

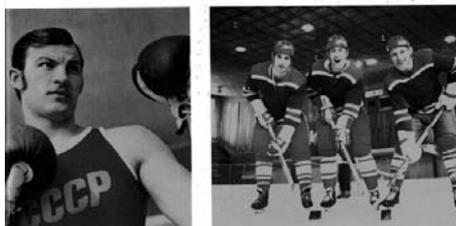
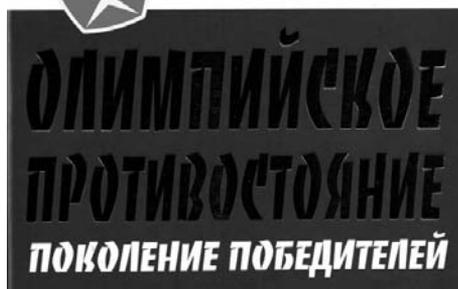
Олимпиады нашего детства

Известный писатель и публицист Арсений Александрович Замостьянов выпустил новую книгу в историко-публицистическом жанре. На этот раз она посвящена истории советского спорта, причем, пожалуй, самым увлекательным ее страницам — противостоянию олимпийских сборных СССР и США, начавшемуся на Олимпиаде в Хельсинки (1952), в которой впервые приняла участие советская команда, и завершившемуся в 1988 году в Сеуле, последнему, на которой в честь победителей поднимался красный флаг с серпом и молотом и звучал советский гимн.

Соперничество сборных двух сверхдержав, продолжавшееся три с половиной десятилетия, действительно заслуживает пера историка. Недостатка в ярком материале здесь нет, ведь в этой истории присутствовало все: и выдающиеся личности, и беспрецедентный накал борьбы, и непредсказуемость результатов как следствие почти постоянного чередования побед и поражений с обеих сторон. Актуальным остается и выявление тех механизмов, которые предопределили торжество «красных» на большинстве олимпиад 1950—1980-х годов.

В интерпретации автора, советский олимпизм того периода предстает последовательной антитезой современного российского спорта, состояние которого характеризуется весьма критически: «В России миллиардеры не жалеют субсидий на спорт. По существу, это деньги, украденные у тру-

Замостьянов А. А.
Олимпийское противостояние.
Поколение победителей.
М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

дящихся. От науки, от производства требуют рентабельности, если нет быстрых и легких барышей, душат любую отрасль... Миллиарды возникают и пропадают по капризу скучающего воротилы — вот и вся стратегия. Сочинская олимпиада стала бездонной бочкой, в которую канули бюджетные миллиарды (следует учесть, что книга была написана задолго до проведения Олимпиады. — О. А.)... Коммерческий ажиотаж вокруг соревнований порождает бесконтрольность. Порой кажется, что времена благородного советского спорта ушли безвозвратно» (С. 48—49).

В противовес этой грустной картине, «красный спорт» выгодно отличался, во-первых, массовостью (см. С. 28—40), во-вторых, продуманной организацией (в частности, наличием разветвленной системы спортивных клубов и обществ) (см. С. 41—48), в-третьих, четко выстроенной мотивацией, основанной на коллективистских ценностях (см. С. 16), но главное — типом человека, его представлявшего. Жесткая система отбора («трудно было стать спортсменом, но еще труднее удержаться в большом спорте. Оставляли в спорте только немногих лучших и наиболее перспективных» (С. 15—16)) оставляла за бортом «балласт», открывая дорогу лишь для лучших, ориентировавшихся в первую очередь не на материальные, а на духовные стимулы («миллионеров в советском спорте не было, даже по сравнению с соцстранами Восточной Европы наши звезды жили (“обеспечивались”) скромнее. Что ж, в противном случае октябрь 1917-го превратился бы в фикцию» (С. 16)).

Пожалуй, наиболее впечатляющим в этом плане кажутся два из множества приводимых автором примеров. Первый — советского конькобежца Евгения Гришина, абсолютного чемпиона олимпиады в Скво-Вэлли (1960 год), который, в ответ на вопрос «Что Вам понравилось в США?» заявил: «Красный флаг моей родины на фоне синего американского неба!» (С. 13; см. также С. 90). Второй — «уральской молнии», чемпионки Инсбрукской олимпиады 1964 года Лидии Скобликовой, прямо из Австрии направившей Н. С. Хрущеву открытое письмо с просьбой принять ее в члены КПСС. Положительный ответ ЦК КПСС последовал незамедлительно: сообщение о нем было напечатано в газетах прямо под текстом открытого письма (см. С. 92—93).

А. А. Замостьянов вполне обоснованно призывает с доверием относиться к такого рода информации, напоминая, что высокий уровень идеологической мотивации проявляла и противоположная сторона. Чего стоит, в частности, высказывание едва ли не самого знаменитого канадского хоккеиста начала 1970-х Фила Эспозито: «Я хотел выиграть лишь потому, что не верил в коммунизм. Моя вера: если ты талантлив, значит, способен заработать больше денег, чем тупица. А русским запрещали настоящему жить своей мечтой. Они оказались солдатами, а не хоккеистами... И это была большая политика. Капитализм против коммунизма. Знаете, как мы ненавидели коммунистов? Мы не имели права проигрывать» (С. 128).

Однако то, что для канадского хоккеиста было слабостью советской команды, автор книги считает проявлением ее силы. Он утверждает, что советские спортсмены действительно видели себя бойцами, солдатами своего народа и свой страны. Вот, например, как А. А. Замостьянов опи-

сывает советских спортсменов, прибывших на свою первую Олимпиаду в Хельсинки (1952), которую именует «олимпиадой фронтовиков»: «Советские спортсмены прошли фронтовую школу, еще до войны они получили солдатское воспитание — принципами ГТО... Спортсмены в годы Великой Отечественной не уронили чести, сражались как герои. Увы, “немногие вернулись с поля”. И вот команда уцелевших героев прибыла в Хельсинки...» (С. 52—53).

В этой команде каждый был как на подбор — ни одной червоточинки. Вот, например, каким у А. А. Замостьянова предстает знаменитый советский тяжелоатлет А. Н. Воробьев, бронзовый призер Хельсинки (1952), чемпион Мельбурна (1956) и Рима (1960): «...волжский богатырь Аркадий Воробьев был и остается примером спортсмена-интеллектуала, сознательного, а не конъюнктурного коммуниста. Величайший полутяж, двукратный олимпийский чемпион, фронтовик, за спортивными победами не забывавший профессии врача. Воробьев стал и доктором медицинских наук, и ректором малаховского института физкультуры» (С. 68). Там же и в таком же духе А. А. Замостьянов пишет о прошедших немецкие концлагеря тяжелоатлете И. В. Удодове, гимнасте В. Чукарине и борце Я. Пункине, ветеранах Великой Отечественной войны гимнасте Г. Шагиняне, стрелке А. Богданове, боксере С. Щербакове, блокаднике гребце Ю. Тюкалове и др. (см. С. 53—59).

А вот и логичное заключение об итогах Олимпиады-52: «А что же сыны Третьего рейха? Ни одной золотой медали не завоевали в Хельсинки немцы и австрийцы. Ни одной! Война разрушила тевтонскую доблесть и спесь, а ведь немцы, бесспорно, — превосходные спортсмены. Вдумаемся в эти факты — и нам станет яснее фантастическая доблесть советской команды. Спортсмены с четырьмя буквами — СССР! — на свитерах совершали невозможное, преодолевали себя, не обращали внимания на судейские ошибки, забывали о ранах и увечьях...» (С. 61). Таким образом, в интерпретации А. А. Замостьянова олимпийские победы предстают прямым продолжением главной победы — в Великой Отечественной войне; для автора они — воплощение несокрушимого духа народа-победителя.

Подобных примеров в первой части книги («Мы хотим всем рекордам...», С. 12—156), посвященной анализу главных особенностей советского спорта как системы подготовки спортсменов-победителей, не счесть. Об эффективности этой системы, по мнению автора, говорят хотя бы отзывы представителей противоположной стороны («Вашингтон таймс», 2004 год): «Русские атлеты будто не росли, а вылуплялись из щедро финансируемой спортивной машины, всегда уже полностью сформировавшиеся, каменные, монолитные. Они раз за разом ставили на колени самую богатую нацию на свете, к тому же помешанную на спорте, — и до сих пор эта нация не может оправиться от того впечатления» (С. 18).

Что в «сухом остатке»? По данным автора, в советское время наши спортсмены брали 25—35 процентов от общего числа золотых медалей; ныне же (при неизмеримо увеличившемся финансировании) россияне получают не более 3—4 процентов «мирового золота» (см. С. 14; правда, А. А. Замостьянов признает, что к этой цифре следует прибавить еще и медали высшей пробы, полученные олимпийцами из других постсоветских

государств, что делает цифру несколько более внушительной, но не меняет сути дела).

Разница действительно впечатляет. И все же, шаг за шагом принимая аргументы автора рецензируемой книги, чем дальше, тем в большей степени ощущаешь односторонность нарисованной им картины. Нет, я вовсе не подозреваю А. А. Замостьянова в сознательном искажении реальности, дело в другом: увлеченный пафосом тех уже далеких побед, он хотя и признает наличие иной стороны у описываемого им явления, но делает это крайне неохотно, как бы вскользь. В итоге советский олимпизм 1950—1980-х годов в его изображении предстает недостижимым идеалом, а сами соревнования оказываются своеобразными *олимпиадами нашего детства* в том же смысле, в котором кинорежиссер А. Габрилович некогда говорил о «футболе нашего детства» (1984). Автор смотрит на советских олимпийцев снизу вверх, глазами восхищенного ребенка. И хотя большинство из них несомненно заслуживали такого взгляда, однако система в целом представляла собой гораздо более сложное явление. Черты кризиса проявились в ней даже раньше, чем рухнул советский строй.

Действительно, откуда, например, взялась малоприятная история с открытым письмом замечательного советского хоккеиста Игоря Ларионова, опубликованным в разгар «перестройки» в ее главном рупоре — журнале «Огонек»? То письмо было направлено против легендарного советского тренера В. В. Тихонова и содержало обидные, незаслуженные обвинения в его адрес (см. С. 131). Чем оно было? Прискорбным эпизодом? Но ведь Ларионов был отнюдь не одинок, что признает и сам автор книги: «Как обычно, словеса о демократии камуфлировали истинное намерение — убежать в НХЛ, пока время не вышло. А там — миллионные контракты. Вот так и умирал советский хоккей» (С. 132).

«Машина» советского спорта была еще вполне на ходу. Так откуда же взялись подобные настроения у людей, крайне тщательно отобранных и воспитанных советской действительностью? И откуда взялись феномены Корчного (между прочим, бывшего «нашего» шахматиста) и Каспарова? А ведь и ими дело не ограничивалось. С готовностью принимая все плюсы советской системы подготовки спортсменов, и прежде всего — ее доступность (в том числе в материальном плане), высказывая искреннюю благодарность «партии и правительству», многие олимпийские «звезды» разительно менялись, достигнув действительно высоких результатов.

Что греха таить: лишь немногие нашли в себе силы встать выше принципа «коммунист до первого личного капитала». Показательно, что автор лишь мельком рассматривает казус одного из первых советских спортсменов, павшего жертвой «звездной болезни» — футболиста Э. Стрельцова (см. С. 109—112). Между тем именно в то время, на рубеже 1950—1960-х годов, казавшийся незыблемым советский аскетизм дал первые трещины. В то время даже абсолютно ортодоксально мыслящий легендарный Лев Яшин на вопрос о любимом блюде ответил: «Омар в майонезе», тогда как сам Н. С. Хрущев в аналогичном случае скромно ответил: «Борщ».

Чем известнее и состоятельнее становились «звезды», чем больше вкушали они «заграничной» жизни, тем меньше они желали мириться с пресингом мощнейшей индустрии советского спорта, ориентированной на достижение успеха любой ценой. Можно ли осуждать их за это? Сложный вопрос. Тем более что по мере того, как большой спорт становился индустрией, он влек за собой все большую опасность для здоровья спортсменов. Приведу лишь один пример из числа тех, о которых Замостьянов не говорит ни слова.

Уже в 1960-е годы неотъемлемой частью подготовки будущих олимпийцев становится «большая химия». Насколько можно понять из открытых публикаций на этот счет, советские спортсмены не были ни инициаторами, ни рекордсменами в употреблении допинга; «зараза» шла от конкурентов, но ведь им надо было соответствовать. Причем на этом настаивали даже функционеры со славным олимпийским прошлым. Вот, например, что вспоминает ведущий научный сотрудник НИИ спорта Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма, профессор С. К. Сарсания о кануне Олимпиады в Мехико (1968): «И вот во время сборов в Дубне Воробьев вызывает меня лично. Разговор проходил сугубо официально. Воробьев достал из стола флакон без этикетки с таблетками и сказал мне: “Доктор, вот эти таблетки вы будете давать спортсменам”. С этого и начались мои исследования». Поясню: речь идет о венгерском препарате «Неробол», содержащем вещество метандиенон¹.

С учетом сказанного становится понятным, почему у С. К. Сарсания образ выдающегося ветерана-олимпийца, «волжского богатыря» А. Н. Воробьева сильно отличается от приведенной выше восторженной характеристики Замостьянина: «Воробьев был ярким противником ОФП в тренировке тяжелоатлетов, считал это впустую потраченным тренировочным временем. Поскольку он был человеком достаточно одиозным, он заявил, что мы пойдем другим путем. И добился разрешения проводить свои исследования отдельно от других сборных. “Единственное, что нас интересует, — говорил он, — это время, необходимое для временной акклиматизации, рассчитанное до дня”. Сборная по тяжелой атлетике должна прибыть в олимпийскую деревню ни днем раньше установленного срока, чтобы спортсмены не “перегорели”, томясь в ожидании своих выступлений и болея за наших спортсменов, представителей других видов спорта» (*Там же*).

К концу 1980-х годов «химизация» спорта осуществлялась уже в промышленных масштабах². В связи с этим резонно предположить существование прямой зависимости между осознанием спортсменами-профессионалами растущей степени опасности для их здоровья, с одной стороны, и выдвиганием ими все более высоких требований в том, что касалось материального

¹ См. **Антонов А.** Допинг в СССР. // Железный мир. 2013. № 11. — <http://ironworld.ru/articles/11623/>

² См., например: **Якимов А.** Как победить допинг? // Лыжный спорт. — www.skisport.ru/doc/read.php?id=227; **Tétrault-Farber G.** Traces of Soviet Doping Culture Linger in Russia // The Moscow Times. 06.12.2013; **Родченков Г.** Допинг и борьба с ним: итоги двадцатого века // Легкая атлетика. 2000. № 11–12 и др.

обеспечения, с другой. И дело здесь было не только в допинге: просто сам феномен большого спорта был и оставался западным изобретением, изначально ориентированным на коммерческие принципы. Между тем, если ты играешь в чужие игры, то рано или поздно примешь и чужие правила: железная хватка капитала неизбежно должна была сокрушить «спорт нашего детства», в том числе — и его олимпийскую составляющую.

Однако даже приходя к такому пессимистическому выводу, все равно испытываешь теплые чувства к тексту А. А. Замостьянова. Ведь, далекий от цели «лакировать» действительность, он в полной мере сумел донести до читателя обаяние «олимпиад нашего детства». Это обаяние — не наигранное, оно — производное от самой сути советского олимпизма, исторический факт, замалчивать который было бы неправильно и нечестно. Чем бы все ни закончилось в финале... ◆